

*А. А. Пирогов**

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ XIX в. В СВЕТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

В статье исследуются духовно-религиозные истоки отечественной пенитенциарной системы XIX в. и подготовки ее реформирования. Проводится сравнение идейных основ деятельности личностей отечественных филантропов и пенологов с трудами европейских и североамериканских гуманистов, предлагавших прогрессивные концепции реформирования тюрем. Отстаивается точка зрения, что в России шел самостоятельный поиск пути развития науки об исправлении и наказании, а научные интуиции XIX столетия актуальны и по сей день, особенно в свете формирования отечественной модели толерантности и дискурса об отмене моратория на применение смертной казни. Делается вывод об исторической преемственности отечественной и европейской мысли, а также подчеркиваются особенности российского подхода к проблематике пенитенциарной системы.

Ключевые слова: философия истории, наказание, пенитенциарная система, пенология, толерантность.

A. A. Pirogov

SPIRITUAL AND RELIGIOUS ORIGINS OF THE RUSSIAN PRISON SYSTEM IN THE XIX CENTURY IN THE LIGHT OF THE FORMATION OF A DOMESTIC MODEL OF TOLERANCE

The article explores the spiritual and religious origins of Russian prison system and the preparation of penitentiary reforms in XIX century. The ideological foundations of the activities of Russian philanthropists and scholars are compared with the ministry of European and North American humanists, who offered progressive concepts of reformation for the

* Пирогов Алексей Александрович, аспирант Института философии СПбГУ;
medicus@inbox.ru

** Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 19-011-00779 «Нелиберальные концепции толерантности: история, практика, перспективы».

penitentiary system. Russia had an independent way to develop the science about punishment. The scientific intuitions of humanists were still relevant today, especially in the way of the formation of the model of tolerance and discourse about of the death penalty moratorium. The conclusion is that the historical continuity of prison's researches take place, as well as the peculiarities of Orthodox approach to the problems of prison policy.

Keywords: the penitentiary system, tolerance, history, philosophy, death penalty.

Пенитенциарной системой сегодня принято считать совокупность государственных институтов исполнения уголовного наказания, также осуществляющих комплекс мер для исправления личности, побуждения ее к изменению поведения. В современной пенологии существует несколько подходов к определению данного понятия. Пенитенциарная система обычно описывается двояко:

...в широком смысле как совокупность мероприятий, направленных на достижение целей уголовного наказания, ресоциализации осужденного, предупреждения совершения новых преступлений, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, составляющих пенитенциарную систему в узком смысле [2].

Другими словами, пенитенциарная система — это тюремные учреждения, которые выполняют основные ее функции — наказание и исправление. Устойчивая смысловая ассоциация с тюремной системой возникла сравнительно недавно — в XVIII–XIX вв., когда появились государственные тюрьмы, получившие название пенитенциарии (от лат. *poenitentia* — «раскаяние, поворот»). Они предназначались для содержания бродяг, нищих, должников, воров и разного рода уголовных преступников. В нашей статье понятия пенитенциарная и тюремная системы являются синонимическими. Идейное и структурное формирование пенитенциарной системы в России происходит в XIX в., под влиянием как личностей гуманистов, так и религиозных концепций и идей Просвещения.

В основе гуманизации тюремной системы по всему миру лежит идея протестантского движения — Религиозного общества друзей квакеров — о покаянии преступника как основе его исправления. Общество квакеров было основано английским проповедником Джорджем Фоксом (George Fox, 1624–1691), который всесторонне изучил тюремную проблематику, поскольку сам несколько раз находился в заключении за свои убеждения. Фокс и его последователи распространили гуманистические и пацифистские идеи квакеров на Северную Америку и Европу.

Принято считать, что первая пенитенциарная система образовалась в конце XVIII в., когда североамериканские квакеры в Пенсильвании в 1787 г. основали «Общество облегчения страданий арестантов». Пенологи сходятся во мнениях, что квакеры не только разработали философское и теологическое осмысление таких функций пенитенциарной системы, как исправление и наказание, но и добились испытания ее на практике. Этого мнения придерживались либеральные французские пенологи Алексис де Токвиль (Alexis de Tocqueville, 1805–1859) и Гюстав-де-Бомон (Gustave de Beaumont, 1802–1866), которые популяризировали квакерскую систему в Европе. Итогом их совместного путешествия по США стала изданная на французском языке в 1833 г. книга

с подготовленным для правительства отчетом о состоянии пенитенциарных учреждений в США «Тюремная система в США и ее применение во Франции» (*Du systeme penitentiaire aux Etats-Unis et de son application en France*), где авторы с восторгом говорят о гуманности системы, предложенной квакерами, и настаивают на необходимости перенесения опыта одиночного заключения в Европу. Они предлагают замену широко применяемого наказания в виде ссылки и смертной казни одиночным заключением. Книга повлияла на ход реформ пенитенциарной системы и не только переиздавалась на французском языке в 1836 и 1845 гг., но и переводилась на английский и немецкий языки (1833). Данное произведение было весьма популярно в научных и общественных европейских кругах XIX столетия и положило основу социального дискурса о гуманизации тюремной системы. В штате Пенсильвания, названном в честь отца лидера квакеров Уильяма Пенна (William Penn, 1644–1718), «в 1876 г. голос квакеров был услышан» [13, р. 4] и создаются основы новейшей, впоследствии названной пенсильванской, тюремной системы, по тем временам весьма прогрессивной. Она подразумевала: полное разделение заключенных, одиночное заключение арестанта в камере, создание условий для вдумчивого чтения Библии, тишину, которая позволяла размышлять над содеянным и раскаиваться. В родственной ей обернской системе (по имени города Оберн, штат Нью-Йорк) для лучшего исправления к одиночной изоляции добавлялись воспитательный труд и более жесткая дисциплина. Эксперимент удался так, что «первый штат, где прижилась данная система был Нью-Йорк, который в 1797 году принял основы новой системы заключения в уголовное право» [13, р. 4]. Реформа пенитенциарной системы далее идет по территории североамериканских штатов и Европы, наказания становятся более мягкими, а одиночное заключение теперь применяется вместо смертной казни. Стоит отметить, что результаты труда заключенных использовались обществом, и это также служило доказательством исправления преступников, публичным подтверждением заглаживания его вины. В XVIII–XIX столетиях это была весьма передовая и гуманная система, а сами квакеры также выступали за отмену смертной казни, против жестокого обращения с заключенными и психически больными. Ведь в тогдашней пенитенциарной системе повсеместно в качестве гуманной практики по отношению к преступникам применялись смертная казнь, ссылка и телесные наказания. Результаты наработок квакеров, как и идеи пенологов-гуманистов англичан Джона Говарда (John Howard, 1726–1790) и Иеремии Бентама (Jeremy Bentham, 1748–1832), также предлагавших свои альтернативные подходы в пенитенциарной сфере, распространялись стремительно.

Почему квакеры начали заниматься реформой пенитенциарной системы? Во-первых, так они видели свою миссию в мире, по-протестантски буквально понимая слова Христа: «в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25: 36). Они не только исполняли миссионерское поручение посещать тюрьмы, но также стремились делать узникам добро, так, как они сделали бы самому Христу. Надо отметить, что это буквальное понимание текста Евангелия было достаточно распространенным не только в протестантской среде. Квакеры в Европе были религиозными диссидентами, наконец обретшими в Северной Америке религиозную свободу и право заниматься миссией. Они стремились к личной святости

и хотели увидеть ее проблески в окружающих людях. Это была социально-преобразовательная активность. Во-вторых, квакеры верили, что печатное Слово Божие может сверхъестественным образом воздействовать на человека так, что он, читая Библию, переживет личное озарение, внутри него воссияет Внутренний Свет как осязаемый опыт [3, с.15]. Объяснениями сущности этого процесса изобилует литература квакеров. Внутренний Свет не тождествен совести или разуму, это некое ощущение присутствия Христа [9]. Арестант, переживший мистический внутренний опыт, обязательно встанет на путь исправления, поскольку квакеры не верили в первородный грех и полную испорченность человеческой природы. Таким образом, последующее изменение жизни преступника доказывало непреложность и практическую истинность Писания, а также верность учения самих квакеров. Ответа на молитву сами квакеры ожидали в полной тишине и сосредоточенном размышлении, что мы видим и в практике одиночного заключения, где нередко религиозно неподготовленному человеку предлагается не только побыть наедине со своими мыслями, но и посвятить время молитве, а также чтению и изучению Библии. Не стоит упускать из внимания тот факт, что секта квакеров была европейского происхождения, одним из результатов Реформации. В Северную Америку квакеры прибыли, спасаясь от религиозных гонений, это наложило отпечаток на их неконформистское мировоззрение. Из Америки квакеры вновь распространяют свое идейное влияние на Европу [9]. Это своеобразное «второе пришествие» мистических идей протестантских сект, обновленных не только теорией, но главное — практическими победами радикального учения на поле социальной деятельности.

Токвиль, сравнивая новую успешную тюремную систему с французской, отмечает, что «инфекция взаимного общения, которая развращает заключенных в наших тюрьмах, не вредит их душе и их телу» [13, р. 97], поскольку арестанты находятся в гуманном одиночном заключении. При этом квакеры понимали, что уровень грамотности у заключенных весьма разный, поэтому также предлагали им начальное религиозное и общее образование. Интересно, что квакеры, которые отрицают всякие символы веры и официальные церкви, в своих исканиях все-таки обращаются к известным в раннехристианской церкви практикам и основам покаяния, подробно описанным в «Исповеди» блаженного Августина. В церкви наряду с исповеданием веры (*confessio fidei*) существовала практика публичной исповеди, исповедание грехов (*confessio peccatorum*), когда человек без принуждения открыто называл свои грехи, таким образом выражая желание получить прощение от Бога и исправиться. Например, это имело место в известной истории Амвросия Медиоланского и императора Феодосия, который вынужден был превзойти власть и уничтожить граждан в Фессалониках. Епископ Амвросий побуждал императора публично покаяться в содеянном, что и было сделано монархом. Здесь мы обращаем внимание на факт публичного покаяния, которое происходило под влиянием представителя церкви и под пристальным вниманием социума. В роли Прощающего выступала сама церковь, действующая от имени и по поручению Бога, а народ выступал как семейная община, принимающая грешника после покаяния.

В исповедании (*confessio*) достигается значимая для индивида и общества практическая истина. Она является средством как познания Бога, так и понимания кающимся грешником самого себя. Этот процесс точно охарактеризован французским феноменологом Жаном-Люком Марионом в его книге, представляющей комментарий на «Исповедь» блаженного Августина: «Истина может даваться лишь тогда, когда истина творится — и в первую очередь тогда, когда творится истина обо мне, получающем ее» [7, с. 186]. Таким образом, арестант — это универсальный кающийся грешник, который должен осознать истину вне себя и в самом себе, встретиться с ней. В ранней церкви кающийся одевался в специальные покаянные одежды (*penitentium*), следовал особому чину покаяния (*ordo penitenciorum*). Нетрудно заметить аналогию с арестантской одеждой, практикой, применяемой и по сей день. Обязателен был пост как древняя ветхозаветная практика, указывающая на глубокое смирение и раскаяние. В трудах «Сумма теологии» Фомы Аквинского и «Толкования псалмов» блаженного Августина упоминается еще один необходимый атрибут покаяния, хорошо известный в ранней церкви, — дела милосердия (*opera misericordiae*) [12 р. 1664]. Псалом 125 посвящен такой практике покаянных дел: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью, с плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои» (Пс. 125: 5–6). Традиционно сеемые семена толкуются как дела милосердия [1], которые принесут кающемуся в слезах плод в вечностной трансцендентной перспективе. Квакеры, отрицавшие любую официальную церковь, переносят данную практику на общество: преступник раскаивается и облачается в тюремные одежды, а в случае с пенсильванской системой — особую арестантскую робу с капюшоном, защищавшим лицо от зрительных контактов. Арестант также трудится на общественных работах, совершает дела, свидетельствующие об изменении его образа жизни. Обратим внимание на то, что примирение происходит не с церковью, а с Богом и обществом, которое по-отечески принимает блудного сына в свои ряды, как послушного гражданина. Этот процесс и его результат воодушевляли Токвиля, видевшего в данной системе прежде всего инструмент воспитания послушных и полезных обществу граждан, где Церковь как институция находится в стороне.

В России проект тюремной реформы был весьма востребован с начала XIX в., но подготовлен только в 1867 г., а на его доработку потребовалось еще два десятилетия, на полное осуществление, как известно, постоянно не хватало финансов. Формально реформа завершилась созданием в 1879 г. Главного тюремного управления. В 1872 г. царем-освободителем Александром II (1855–1881) была учреждена специальная Комиссия, которая инспектировала российские тюрьмы, а в научных и практических разработках широко использовала международный опыт реформ системы наказаний.

Какие же основные духовно-религиозные идеи повлияли на формирование российской тюремной системы этого периода? Не стоит преувеличивать воздействие религиозных идей секты квакеров. Проповедники квакеров, будучи весьма активными, несомненно, встречались с русскими царями, общественными деятелями и благотворителями [9]. Петра Первого они своими взглядами не заинтересовали, т. к. занимали откровенно антицерковную позицию.

Некоторое влияние на выработку российских основ пенитенциарной системы возымела книга лидера квакеров Уильяма Пенна «Плоды уединения» (Fruits of Solitude), которую он писал с 1693 по 1702 г. Русское издание было выполнено российским просветителем Н. И. Новиковым в 1790 г. и нашло своего пытливого читателя. Квакеры определенно не верили в полную испорченность человека, но надеялись на возможность его совершенствования, это сближало их с либералами, скептически смотревшим на политические реформы государственной системы, отдававшими дань уважения просвещенному разуму. Квакеры ожидали, что арестант из глубин своего естества, где сияет Внутренний Свет, может ответить Богу и измениться. Для этого отклика заключенному достаточно услышать текст из Библии. Налицо некоторый дуализм, который вместе с радикальным противопоставлением секты любой официальной церкви и авторитетам, делал квакеров изгоями даже в протестантской среде, поскольку в массе своей протестанты считали человека тотально испорченным и соотносили себя с той или иной крупной конгрегацией. Система, которую предлагали квакеры, была не только мистична, но и рационалистична. Она оказалась практичной для Северной Америки, но в неадаптированном виде была неосуществима в России. Во-первых, большая часть населения принадлежала к Православной церкви, а для православного мышления характерны общность и аскетичность. Религиозность квакеров прагматична, проявляется в резком противопоставлении себя церковным структурам, прежде всего католицизму (православие квакерам, особенно в столкновении с их учением, совсем не было знакомо). Накопленные финансовые средства квакеры тратили на благотворительные и миссионерские проекты, улучшали быт узников, открывали школы. Они словно предлагали свои дружеские усилия Богу и обществу в деле разумного усовершенствования человека. В русском религиозном менталитете помощь бедствующему человеку являлась скорей проявлением любви и милосердия и не была самоцелью или сущностью какой-либо рациональной миссии. У русских право миловать принадлежало Богу и монарху, который подавал благой пример народу, объединенному православием. В бедственных случаях православный обычно находил спасение в Церкви, тогда как протестанты искали такого убежища во внутреннем созерцании и чтении, привычке ежедневного изучения священных текстов. Подобной протестантам повсеместной практики, у русских людей до XIX в. не наблюдалось.

В среде российских благотворителей, пытавшихся реформировать пенитенциарную систему, можно выделить несколько групп. Во-первых, благотворители иностранного происхождения. Они были воспитаны в европейской культуре и находились под влиянием как идей Просвещения, так и западных религиозных идеалов, исполнены искренней симпатии к России. К ним без сомнения можно отнести: филантропа немецкого происхождения врача католика Федора Гааза и тюремного врача лютеранина Фёдора Граля (1770–1835), родившегося в немецкой семье в Киеве. За заслуги благотворительности в Перми, где он жил и работал, Граля прозвали «наш Гааз», посмертно установили ему памятник. Косвенным образом сюда же относится и филантроп, врач, кальвинист-конгрегационалист [14, р. 123] по вероисповеданию Джон Говард, который много трудился в России и умер в Крыму. Его идеи внесли суще-

ственный вклад в становление российской уголовно-исправительной системы, способствовали формированию ее нравственных основ. Несомненно, Говард относится к фигурам общеевропейского масштаба, как и члены Лондонского тюремного общества протестанты братья Вальтер и Джон Веннинги, которые также искренне посвящали свои труды России. Эти люди способствовали тому, что в 1816 г. в России было создано Попечительское о тюрьмах общество. Основой деятельности благотворителей этого типа и склада мышления был религиозный и практический опыт, рациональное понимание методов и целей наказания, а также вера в то, что своей жизнью арестант должен проявить зримые обществом плоды исправления. Они максимально направляли свои усилия на облегчение страданий узников, видя российскую пенитенциарную систему XIX в. весьма несовершенной. Идеалистическая религиозная составляющая их деятельности выражалась также в попытке массового распространения трактатов с цитатами из Библии, которые, как тогда представлялось, могли повлиять на духовную жизнь арестантов. Федор Гааз особенно заботился о распространении печатной продукции среди осужденных, «пользуясь дружбою петербургского негодяя Мерилиза, он склонил его к обширным пожертвованиям (до ста тысяч экземпляров) духовно-нравственными книгами и Священным Писанием для раздачи арестантам, сам, кроме того, закупал большие партии таких книг для отсылки в Сибирь» [6]. Подобная практика, как уже было сказано ранее, более характерна для протестантов. Также доктор Гааз раздавал арестантам свой собственный трактат «А. Б. В. христианского благочестия» («Азбука христианского благонравия»). Его перу принадлежал и трактат «Наставление женщинам» («Appel aux femmes»), который был написан на французском языке и «издан после его смерти в 1864 г.» [5]. В самом начале этого текста (в русском переводе Л. Н. Никифорова) мы встречаем интересный пассаж о том, что предназначение женщины состоит

не в том, чтобы царить чувственно, что высший закон супружеского союза должен очистить человека, постепенно возвышая его от чувственной к безусловной любви, что для достижения этой цели женщина-христианка должна пленять душу своего мужа не искусностью эфемерных нарядов, не блеском гибнущей красоты, но негибнущими очарованиями нравственной красоты, непреодолимой привлекательностью добродетели, лучезарным блеском невидимого человека, обитающего в сердце; она должна подчинить росту своей чистоты все, что есть в природе ее мужа нечистого и животного; она должна, так сказать, переродить эту природу, потопив плотского человека со всеми его дурными наклонностями и вожделениями в безграничной своей христианской любви [4].

Упомянуты: лучезарный блеск невидимого человека, его рост и воспитательное воздействие усилий на перерождение природы ближнего. Не указывают ли эти метафоры на характерный словарь известных североамериканских стяжателей Внутреннего Света? Очевидно, что филантроп буквально воспринимал некоторые слова Библии и придавал большое значение чтению арестантами священных текстов. Девиз Гааза «Спешите делать добро!» основан на текстовых фрагментах посланий апостола Павла. Между тем личный пример Гааза воздействовал намного сильнее, чем раздаваемые им трактаты,

поскольку доктор, как справедливо заметил А. Н. Кони, «требовал осуществлять справедливое отношение к осужденному и проводить резкую грань между отбыванием наказания и напрасным отягощением и без того горькой участи виновного» [6].

К группе благотворителей российского происхождения можно в первую очередь отнести митрополита Московского и Коломенского Филарета Дроздова (1783–1867) и князя А. Н. Голицина (1773–1844). Они объединили (совместно с вышеупомянутым католиком Гаазом) усилия в деятельности Попечительного о тюрьмах общества, основанного в 1819 г., привлекая средства благотворителей на нужды пенитенциарной системы, искали пути ее реформирования. Попечительное о тюрьмах общество так видело средства исправления преступников:

...ближайший и постоянный надзор над заключенными; размещение их по роду преступлений или обвинений; наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на этом основанной; занятие их приличными упражнениями; заключение провинившихся или буйствующих в уединенное место [8].

Очевидно, что усилия филантропов были сосредоточены не только в материальной области, но и в духовно-религиозной. Более того, здесь мы видим исток важнейшей будущей толерантной составляющей гражданского общества — доступ в тюрьмы получали общественные деятели и частные лица. Несомненно, личность Митрополита Филарета столь масштабна, что заслуживает отдельного рассмотрения. Он представляет собой тот тип деятельных русских православных святых, которые пытались изменить и улучшить всё, к чему прикасались. Духовные истоки и мотивация филантропической деятельность министра духовных дел и просвещения князя А. Н. Голицина, первоначально возглавлявшего это общество, у исследователей вызывают множество вопросов. Формально православный Голицин исповедовал некое мистическое христианство и не особо скрывал это от современников. Некоторые исследователи утверждают, что А. Н. Голицин также практиковал масонство как тайную квазирелигию. Однако эти суждения лишь отчасти объясняют предпринимаемые им усилия по улучшению пенитенциарной системы посредством религиозного просвещения, которое сопровождается массовым чтением Библии на понятном, родном языке. Распространение печатных изданий религиозной литературы и духовное наставление виделись важнейшими средствами исправления преступников. Именно усилиями князя А. Н. Голицина в 1812 г. было организовано Российское библейское общество, деятельность которое в 1826 г. была приостановлена.

К вышеупомянутым благотворителям-чиновникам, которые отличались тем, что выполняли конкретные задачи, поставленные правительством, понимавшим важность реформы несовершенной российской пенитенциарной системы, по праву следует также отнести графа В. А. Сологуба (1813–1882). Он проводил по долгу службы исследования и эксперименты пенитенциарной системы с целью ее дальнейшего государственного реформирования и является одним из основателей отечественной пенитенциарной науки. Социально значимые результаты трудов В. А. Сологуба сравнивают также с деятельностью

английского пенолога и филантропа Джона Говарда. Сам граф писал в воспоминаниях: «...посвятил себя тюремноведению, в котором и нахожу свое настоящее призвание. Я бы хотел издать по этой части какое-нибудь дельное сочинение, но вряд ли успею, хотя материала много собрано» [10, с. 651]. В. А. Соллогуб, будучи главой Приказа общественного призрения, выступал против далекой ссылки заключенных в Сибирь и организовывал для них обучение в школах и артелях. Здесь мы видим несомненную параллель с аналогичной деятельностью квакеров, чей протестантский опыт повлиял на Соллогуба косвенным образом, через его ознакомление с английской, шведской и датской пенитенциарными моделями. Он направлял современную научную мысль к пенитенциарным реформам Екатерины II, которые производились под влиянием идей Просвещения. Например, в уста своего героя в повести «Тарантас» (1845) Соллогуб вложил слова, обращенные к состоятельному классу: «Поймите только свое призвание, осветитесь лучом просвещения, и неоспоримая ваша любовь к отчизне доведет вас до духа единства и общности, и тогда, поверьте мне, не только вся Россия — весь мир будет в ваших руках» [11, с. 170]. Русский народ нужно только духовно направить, ведь в лучшие моменты истории им движет христианская любовь, в которой «таится и гражданственное спокойствие и семейное счастье, все, что мы можем просить от земли, все, что мы должны просить от неба» [11, с. 276].

Российские гуманисты XIX в. единогласно требуют реформ и смягчения наказаний преступникам, объясняя это не только бедственным состоянием тюрем, но также несовершенством определения степени вины. Соллогуб опубликовал свою повесть задолго до того, как стал заниматься пенологией. Однако уже в этом произведении видна озабоченность содержанием узников российских тюрем. Герой повести обращается к современникам: «Небольшо весело, барин, сидеть в остроге. Духота такая, что не вытерпишь. На руках железы. Хочешь руки поднять — нельзя. Хочешь лечь — негде. Хочешь есть — вода тебе, да хлеб. Не приведи Бог попасть в острог!» [11, с. 104]. Русские общественные деятели и филантропы услышали этот крик страдающей души и использовали лучшие религиозные и рациональные направления научной мысли для облегчения страданий узников тюремной системы.

В отечественной науке до последней четверти XIX в. не сложилось единого направления, которое полным образом описывало бы пенитенциарную проблематику, ее основы и духовно-религиозные истоки. Исследованием тюрем некоординированно и бессистемно занимались политики, чиновники, правоведы, священники и врачи. Философские основания тюремной благотворительной деятельности в последующее время также анализировались недостаточно, поскольку часто представляли собой лишь разрозненные текстовые фрагменты статей, цитаты выступлений, выдержки из писем, страницы мемуаров и воспоминаний. Отечественные пенологи XIX в. значительно большее внимание уделяли отчетам, докладом и конкретным предложениям по улучшению и реформированию тюремной системы. В духовно-религиозных истоках пенитенциарной системы XIX в. прослеживается историческая преемственность отечественной и европейской мысли, заметно влияние идей Просвещения и протестантизма. В усилиях отечественных филантропов ярко

выражены личностные черты и особенности традиционной национальной религиозности. Вышеизложенный подход к пенологической проблематике в результате привёл к очеловечиванию и смягчению всей системы исправления, постепенной замене наказания в виде смертной казни на тюремное заключение, что представляется актуальным в свете формирования отечественной модели толерантности и реформы российской пенитенциарной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный «Толкование на псалом 125». — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/tolkovanie-na-psalom-sto-dvadsat-pjatyj/ (дата обращения: 12.04.2020).
2. Балугев Е. Н. «Пенитенциарная система»: плюрализм подходов к обозначению социально-юридического феномена и средства охраны и защиты законности и правопорядка // Общество. Среда. Развитие. — 2010. — № 3. — С. 111–114.
3. Бринтон Г. История и вера Общества Друзей со времени основания квакерского движения Джорджем Фоксом. — М.; Friends House Moscow, 1988.
4. Гааз Ф. П. Призыв к женщинам: Посмертное издание / пер. с франц. Л. Н. Никифорова. — М., 1897. — 56 с.
5. Злочевский Г. Д. Спешил делать добро: О Ф. П. Гаазе // Библиография. — 2001. — № 5. — С. 130–143.
6. Кони А. Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк. — СПб., 1896.
7. Марион Ж.-Л. Это, или Наделенный собой. — М.: Рипол-классик, 2019.
8. Попечительное о тюрьмах общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1898. — Т. 24а. — С. 546–547.
9. Религиозное общество друзей. Квакеры. Официальный сайт. — URL: <https://quakers.ru/> (дата обращения: 06.04.2020).
10. Соллогуб В. А. Воспоминания. — М.; Л.: Academia, 1931.
11. Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. — СПб.: Изд. книгопродавца Андрея Иванова, 1845.
12. Augustini Sancti Aurelii. Hipponensis Episcopi. Opera omnia. — Parisiis, 1841. — Vol. 4.
13. Beaumont G. de, Tocqueville A. de. On the Penitentiary System in the United States and its Application to France : The Complete Text / trans. by E. K. Ferkaluk. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. — 342 p.
14. Jewkes Y., Bennett J. (eds) Dictionary of Prisons and Punishment. — Cullumpton: Willan, 2008. — 416 p.